

УДК 316.3:378.4(571.16)
DOI 10.17223/19988613/37/18

Е.А. Федосов

КИТАЙСКИЙ СТУДЕНТ В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ЦЕННОСТИ, МОТИВАЦИИ, БЫТОВАЯ АДАПТАЦИЯ

*Исследование выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире.
Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности»
(грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).*

На примере китайских студентов в Томском государственном университете можно выделить черты сознания, за которыми стоят специфические ценностные, мотивационные и адаптационные ориентиры. Вместе они составляют определенный ментальный багаж, с которым студенты приезжают в Томск. С целью его выявления в Институте Конфуция было проведено фокусированное интервью со студентами филологического факультета ТГУ, прибывшими из Шеньяна по специальной программе обмена. Китайским студентам предлагалось ответить на несколько вопросов по ряду значимых аспектов: биографическому, гендерному, социально-экономическому, языковому, религиозному, моральному и культурно-адаптационному. Данный формат позволяет добавить некоторые важные штрихи к образу китайской молодежи, пребывающей в Томске на учебу и, так или иначе, осваивающейся в новой для себя действительности.

Ключевые слова: КНР; китайские студенты; Томск; проблемы адаптации; российско-китайские отношения.

Анализ мнений китайских студентов Томского государственного университета (ТГУ) необходимо предварить краткой характеристикой специфики их пребывания в Томске. Исследование проводилось на основании мнений представителей группы, которая содержит в себе одновременно элементы этнического (*китайские студенты*), локального (*китайцы в Томске/в ТГУ*) и профессионального сообщества (*китайские студенты-филологи, изучающие русский язык*). Вместе с тем фактически все находящиеся в ТГУ китайские студенты – это прежде всего *граждане КНР*, которые, руководствуясь некоторыми причинами и мотивами (речь о них пойдет ниже), *определенный период времени* получают образование в нашем городе. Априори в России им не грозят утрата идентичности, исчезновение собственной культуры, подавление культуры «меньшинства» культурой «большинства» и т.п. уже хотя бы в силу временности их пребывания в нашей стране и сохранения связей с родиной. В этом заключается их отличие от многих других этнических и локальных сообществ. Поэтому вопросы, затронутые в данном исследовании, исходили не только из необходимости проанализировать на конкретных примерах положение китайских студентов ТГУ в Томске, но и прояснить некоторые социальные, экономические и духовные аспекты жизни в самом современном Китае, влияющие на формирование собственно китайского сознания и особенности его адаптации к новой среде.

Сейчас, по-видимому, наступил период существенного переосмысления образа китайского присутствия в России. В 1990-е гг. имел место перекосящий взаимоотношений в коммерческий аспект. Будучи полем жесткой конкуренции, причем недостаточно отрегулированной в то время с правовой точки зрения, он давал повод для конфликтов и способствовал распространению негативных представлений о китайцах [1. С. 501, 505]. Но уже с начала 2000-х гг. наблюдаются определенные

изменения. Отлаженными, цивилизованными и обоюдно выгодными становятся деловые контакты с Китаем [Там же. С. 507–508]. Кроме того, существенный вклад в новый образ современного представителя Поднебесной вносится духовной сферой взаимоотношений, для которой томские вузы являются весьма благоприятной средой. Традиционно со студенчеством связывают высокую степень интернационализма и единства. Наличие среди учащихся представителей разных стран и народов является предметом гордости любого вуза. Их пребывание в университетах часто становится источником налаживания межгосударственных связей и средством формирования благоприятного восприятия иностранца. Томские СМИ неизменно положительно отзываются о студентах городских вузов из разных стран [2. С. 149]. При этом китайцы, как и любые другие иностранцы, не только интернационализируют научную и культурную жизнь вуза, но и формируют в нем определенный образ своей страны.

С целью выявления черт современного китайского самосознания и особенностей его проявления у студентов, приехавших на учебу в Томский государственный университет, была организована беседа с тремя учащимися филологического факультета ТГУ, прибывшими из Шеньяна по специальной программе обмена. Встреча проходила в ноябре 2013 г. в Институте Конфуция, который действует на базе ТГУ с мая 2008 г. и является одним из центров притяжения китайской молодежи в Томске. Автор данной работы, будучи студентом Института Конфуция, давно контактирует с представителями Поднебесной, что существенно облегчило организацию встреч и внесло в предпринимаемый анализ элемент включенного наблюдения. Однако, являясь одним из инструментариев этнографического метода [3. С. 293], в данном случае наблюдение не являлось осознанной, целенаправленной исследовательской стратегией и было обусловлено самим фактом

частого нахождения в китайской среде в рамках учебы в Институте Конфуция. В форме группового интервью китайским студентам предлагалось ответить на несколько вопросов по ряду значимых для исследования аспектов: биографическому, гендерному, социально-экономическому, языковому, религиозному, моральному, культурно-адаптационному. Данный формат позволяет рассматривать их как фокус-группу, хотя и с некоторыми отличиями от ее классического варианта, при котором опрашиваемые участники выбираются случайным образом и не знакомы друг с другом [4]. Здесь же китайцы являлись представителями единого коллектива студентов-филологов ТГУ. Таким образом, специфика как нахождения автора в китайской среде, так и самой этой среды способствовала применению в данном случае синтетического социологического метода (этнографической фокус-группы), который является оптимальной основой для сбора первичных, «разведывательных» сведений [Там же]. Во многом пробный характер данного исследования обусловил и довольно узкий состав группы, который позволил, с одной стороны, обсудить каждый значимый аспект достаточно детально, а с другой – сразу уловить общие тенденции во взгляде китайцев на предмет беседы. Коммуникация осуществлялась преимущественно на русском языке. С этим связаны трудности проведения интервью, выразившиеся в наличии определенного языкового барьера и сложностью корректного перевода абстрактных понятий на русский и китайский языки, что в существенной мере ограничило возможность развернутых высказываний. Преодолевалась эта проблема благодаря одной из участниц интервью, хорошо владеющей русским языком и выступавшей время от времени в роли переводчика.

Участниками интервью стали три китайских студента ТГУ:

Цзюй Чуанья (鞠传亚) – 23 года, студентка 4-го курса филологического факультета ТГУ, преподаватель живописи и каллиграфии Института Конфуция. Родилась в провинции Цзянсу (юго-восток Китая). Отец работает полицейским, мать – домохозяйка, старшая сестра – врач, младший брат – студент.

Чэнь И (陈怡) – 21 год, студентка 3-го курса филологического факультета ТГУ. Родилась в провинции Чжэцзян (юго-восток Китая). Отец и мать работают школьными учителями.

Мэн Сянтянь (孟祥天) – 21 год, студент 3-го курса филологического факультета ТГУ. Родился в провинции Ляонин (северо-восток Китая). Отец работает в фирме, мать – банковская служащая.

Анализ беседы показал, что даже эти скудные, анкетные по своей сути данные уже могут указывать в Китае на определенную этническую, региональную или социальную идентичность. Одним из таких маркеров является фамилия, которую китайцы хорошо соотносят со своим происхождением. Так, Цзюй Чуанья знает, что ее фамилия (鞠 – Цзюй) происходит от названия

древней этнической группы, поселившейся в ее родной провинции еще при династии Тан (618–907). Она хорошо знакома с историей своего рода, но считает себя представительницей народа Хань. К этому же этносу, составляющему 92% населения всего Китая, относят себя и другие участники интервью. Семья Мэн Сянтяня происходит от древнекитайского конфуцианского философа Мэн Цзы (孟子: 372–289 гг. до н.э), однако подробностей истории своего рода Мэн не знает. Чэнь И рассказала, что ее предки давно жили в провинции Чжэцзян [5]. На это прямо указывает ее фамилия Чэнь (陈), являющаяся одной из самых распространенных на юге Китая и связанная, видимо, именно с региональным или клановым аспектом, фактически объединявшим носителей одной фамилии на основе единой территориально-родовой принадлежности [6. С. 151].

Жизнь современных китайских регионов и провинций по-своему влияет на их население через определенные социальные ориентиры. Например, описывая Цзянсу, Цзюй Чуанья отмечает, что в этой провинции динамично развиваются культура и экономика, обеспечен достаточно широкий спектр деятельности, включающий как государственную службу, так и предпринимательство. В связи с вниманием общества к сфере культуры особую роль играют преподаватели и учителя. В последнее время усилилась конкуренция на рынке квалифицированного труда. Вместе эти факторы повышают ценность качественного высшего образования, которое многие стремятся получить. Но чем большее количество людей его получает, тем более жесткой становится конкуренция. Кроме того, по словам Цзюй, степень образованности человека в Китае обычно считается и критерием его морали, хотя сейчас люди, получившие высшее образование, не всегда обладают «хорошими» личными качествами. В связи с этим интересным кажется ее высказывание о том, что необразованные крестьяне однозначно имеют более низкие моральные качества и привычки [5]. На наш взгляд, здесь воспроизводится традиционное представление, согласно которому личные качества тесно связаны с образовательным цензом, поскольку именно ученые, образованные люди в Китае составляли правящий класс, «знали ритуал» и наделялись за это высоким статусом «мудреца» или «достойного мужа» [6. С. 142–143].

Значимым для современных китайских студентов институтом остается семья. Сейчас она редко состоит из нескольких поколений родственников, поскольку, поженившись, молодые пары предпочитают жить отдельно от родителей. Среди опрошенных студентов лишь в семье Мэн Сянтяня живет еще и третье поколение – бабушка и дедушка [5]. Впрочем, известный российский китаевед В.В. Малявин отмечает, что даже в рамках китайской традиции семья, состоящая из нескольких поколений, представляет собой скорее редкий конфуцианский идеал. При этом в первой половине XX в. ограниченная лишь родителями и детьми семья в

среднем оставалась довольно большой, состоявшей из 5–6 человек [6. С. 144–145]. Сейчас, в силу проводящейся с 1979 г. политики регулирования рождаемости в Китае, выразившейся в принципе «одна семья – один ребенок» (принцип не распространяется на национальные меньшинства и в некоторых других исключительных случаях), ситуация меняется, однако эту тенденцию не вполне отражают мои собеседники. Так, только Мэн Сянтянь – единственный ребенок в семье, тогда как у Чэнь И есть брат, а у Цзюй Чуанья – младший брат и старшая сестра, которую в быту она должна слушаться как вторую мать.

Что касается влияния старших членов семьи на младших в целом, то все отметили, что в наше время родители уже менее строги по отношению к детям и в дальнейшем уважают их решения по поводу учебы, карьеры или брака. Родители студентов с пониманием и поддержкой приняли их решение отправиться на учебу в Шеньян, а затем в Россию. Вместе с тем родителям Чэнь не нравится, что она учится далеко от дома, и они хотели бы, чтобы их дочь вернулась после учебы в родную провинцию, хотя у нее самой другие планы на будущее. Но молодежь обычно прислушивается к мнению старших и советуется с ними по разным вопросам, включая брак. Обычно молодые люди создают собственные семьи после завершения учебы. Традиционно в Китае жених и невеста не должны были встречаться до свадьбы, но сейчас подобного запрета нет. Китайцы по-прежнему «сильнее скрывают свои чувства» к возлюбленным, чем другие народы, и молодые люди достаточно сдержаны в отношениях [5]. Очевидно, в этом проявляется наследие конфуцианской морали, стремившейся всецело ограничить общение между полами даже после свадьбы, когда должны были отсутствовать какие-либо «публичные знаки любовных отношений между мужем и женой» [6. С. 543].

В семье мужчина обычно занимается карьерой, а женщина ведет домашнее хозяйство и воспитывает детей, но может сделать выбор также в пользу карьеры, и это нормально воспринимается современным обществом. Мэн Сянтянь убежден, что современная женщина может «работать и строить карьеру, а не всегда сидеть дома». При этом женщина играет главную роль в воспитании детей. Положение мальчика в семье, как и раньше, может быть выше, чем у девочки, однако в «городской или образованной» среде различий практически нет. В целом, сейчас в Китае уже не существует каких-либо строгих единых для всех рамок выстраивания семейных отношений. В данной сфере присутствует значительная доля субъективности и ситуативности. Подтверждением тому служит интересное и в то же время парадоксальное мнение Цзюй Чуанья о степени влияния старшего поколения на поведение молодых: «Если человек решает идти к какой-то цели, то его поддерживают семья и окружение, в том случае, если решение *правильно* (что конкретно здесь имеется в виду, до конца не ясно. – Е.Ф.) и полезно для человека.

Даже не важно, поддерживают или нет, если решение правильно и полезно для человека, человек может быть самостоятелен» [5].

Таким образом, современный китаец в своих действиях может руководствоваться в равной мере личными соображениями, социально-экономической обстановкой или волей старших. Но какова в его жизни роль факторов, связанных с духовным, более глубоким и отвлеченным подтекстом? По мнению китайских студентов, отношение к религии в современном Китае достаточно спокойное, она отделена от государства, и каждый человек вправе принимать и исповедовать любую религию, если при этом не нарушает закон. Традиционной и преобладающей религией считается буддизм, однако большинство людей не особенно верующими, а Мэн Сянтянь немного придерживается буддизма, хотя и не имеет особых религиозных предпочтений. Нескольким иное отношение у китайцев к философским учениям, первостепенное значение среди которых занимает конфуцианство. Они играют важную и образовательную, и мировоззренческую роль. Все студенты единодушны в том, что учение Конфуция помогает им, и в нем очень много «правильных, положительных» мыслей, которыми китайцы пользуются до сих пор в повседневной практике. Вместе с тем считается, что существуют и ошибочные суждения, которые могут плохо влиять на жизнь, поскольку не подходят к современным условиям [Там же].

В отношении к философскому наследию древности, как и в вопросе влияния старших на решения молодежи, вновь возникла некая категория «правильности». В данном случае она увязана с критерием соответствия современной действительности. Ситуативность «правильного» и его приспособление к конкретному моменту в целом не чуждо китайскому обществу, для которого характерны попытки синкретического осмысления бытия, призванного связать элементы различных религиозно-философских идей, найти «единую основу» всех мнений и постичь смысл отдельного философского учения, в том числе вне его самого [6. С. 279]. Вместе с тем часто новая доктрина, борющаяся за духовное лидерство, предлагала свое видение «правильного». Так, в частности, задачу формулирования очередного варианта «правильного» пыталось решать гоминьдановское «Движение за новую жизнь», разработав в 1934 г. кодекс из 96 правил [Там же. С. 606].

Возвращаясь к высказываниям студентов, отметим некую причинно-следственную двойственность: либо что-то из учения априори считается «правильным», а значит, может быть еще актуальным, либо оно «правильно», потому что еще сохраняет актуальность? Однозначный ответ дать сложно. Можно лишь предположить, что подобное отношение к Конфуцию и другим учениям, с одной стороны, связано с умением современных китайцев находить баланс между традициями и инновациями, а с другой – с частыми переменами

взглядов властей в новейший период. Но, так или иначе, все участники беседы подчеркнули важность и необходимость идей Конфуция, Лао-Цзы и других философов для образования современных китайцев.

Определенной связью с духовной культурой прошлого можно считать и не утратившие популярность до наших дней традиционные праздники, среди которых студенты назвали Китайский Новый год, Праздник фонарей, Праздник Луны. Все меньший отклик у молодежи находит День Предков (Цинмин – 清明). Некоторые отдают предпочтение заимствованным праздникам (например, Рождество). Помимо философских предписаний, в повседневной жизни моральные нормы китайцев могут соответствовать, как уже говорилось выше, уровню образования или руководствоваться какими-либо коллективными или корпоративными правилами. Актуальны и другие специфические свойства китайского мышления, примеры которых привели Мэн Сянтянь и Чэнь И: в современной ситуации китайцы, узнав из новостей о каком-либо событии, как правило, поддерживают и сочувствуют слабой стороне независимо от правильности ее действий, а когда принимают гостя, относятся к нему, «как к царю» [5].

Интересные штрихи к социокультурному портрету китайских студентов добавляет языковой аспект. Несмотря на относительно высокую этническую монолитность страны, существенные диалектные различия в китайском языке являются своего рода дополнительным маркером идентичности для каждого района Китая. Государственным вариантом языка, единым для всей страны, является Путунхуа, хотя только для 20% населения он является родным [6. С. 30]. Среди регионов, в которых проживают опрошенные студенты, только в Ляонине нет существенных диалектных отличий от Путунхуа. По словам Мэн Сянтяня, у них на северо-востоке есть лишь несколько сильно отличающихся слов. При этом считается, что в самой северной провинции Китая – Хэйлунцзяне – наиболее «чистый», литературный китайский язык. Совершенно противоположная ситуация сложилась на юго-востоке – в Цзянсу и Чжэцзяне, – где диалектические различия настолько сильны, что жители разных населенных пунктов не могут друг друга понять. Родившиеся там Цзюй Чуанья и Чэнь И не раз сталкивались с проблемой существенного языкового барьера между соотечественниками. В этом случае коммуникация осуществлялась только после перехода собеседников на Путунхуа, который должны знать все китайцы. Среди иностранных языков наиболее распространен обязательный для изучения в школе английский, но, по мнению Чэнь И, китайцы не очень его любят. Русский, японский, французский и немецкий языки отмечены студентами как менее популярные, однако, судя по всему, изучение русского языка открывает перед ними определенные перспективы. Наиболее основательно свои причины изучать русский выразила Цзюй: после окончания учебы хотела бы стать преподавателем русского

языка в университете в своей родной провинции Цзянсу. В нем есть факультет русского языка, но в целом в вузах на юге мало подобных факультетов, и требования квалификации для преподавателей там очень высоки. Это повлияло на решение Цзюй ехать на север страны, где преподавание русского более развито, и поступать в Шеньянский политехнический университет. Сейчас она совершенствует свои знания в России. По схожим причинам выбрала Шеньян и Чэнь И, которая также надеется, что знание русского поможет ей в поисках работы. Оригинальное мнение высказал Мэн, который долго изучал английский, но потом ему «стало скучно» и он решил учить новый язык. При этом Шеньян – его родной город, и выбор места обучения и специальности был во многом предопределен [5].

В Томск китайские студенты приезжают по специальной программе обмена. Действует также специфическая система подготовительных факультетов, в соответствии с которой студент некоторое время учится на подобном факультете, затем рассказывает свои впечатления всем желающим обучаться за рубежом. Наибольшее затруднение у китайцев вызывают русская грамматика и высокий темп разговорной речи. Некоторые из них стремятся больше говорить на русском языке и читать классическую литературу, но часто не позволяют короткий словарный запас. Считается, что на русском языке необходимо говорить на занятиях, в официальной обстановке, а по возможности пытаться и в любых других ситуациях. Исключение составляет лишь тема политики, которую китайцы *всегда* обсуждают на родном языке, даже если знают иностранный. Кроме того, политические вопросы практически не подлежат обсуждению с иностранцами. В более неформальной обстановке, в общении между собой студенты разговаривают по-китайски на самые разнообразные бытовые темы, включая, например, просмотренные сериалы. В свободное время некоторые из них охотно общаются с русскими [Там же].

Живя в Томске, китайцы сталкиваются с некоторыми особенностями быта, которые им трудно принять. По словам Цзюй Чуанья, их не так много и к ним вполне возможно приспособиться. Одной из наиболее частых проблем китайцев является перемена рациона. При этом Чэнь И, например, считает, что русская кухня вкусная, но китайская все же более привычная, и поэтому она мало ходит в местные кафе и рестораны и предпочитает готовить сама. Мэн Сянтянь, приехавший в Томск лишь два месяца назад, полагает, что в быту между Россией и Китаем большая разница, но «привычки русских» не сильно влияют на них, не препятствуют адаптации, и в целом он живет здесь все еще, как китаец. Помощь в культурной адаптации оказывают организованные сообщества китайских студентов, обучающихся в томских вузах. Они предупреждают соотечественников от нарушения каких-либо правил, о которых новоприбывшие не знают. Поскольку китайской молодежи в Томске не так много, в сообще-

ствах студентов нет дробления на более мелкие группы по выходцам из одной провинции или, например, по профессиональным интересам. Сообщества также выполняют функцию досуга и преодоления культурного отрыва от родины путем проведения различных традиционных праздников, инициатива которых, как правило, принадлежит более многочисленному объединению китайских студентов Томского политехнического университета. Хотя сами сообщества носят закрытый характер, доступ на культурные мероприятия открыт для всех желающих [5]. Что касается мероприятий, проводимых Институтом Конфуция ТГУ (выставки, презентации, открытые уроки, концерты), то автору данной работы самому приходилось принимать в них участие, и не только в качестве зрителя.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы. С методологической точки зрения слабым звеном беседы оказался языковой барьер. Для упрощения понимания в некоторых ситуациях вопросы и ответы были максимально конкретизированы и однозначны, а значит, порой фрагментарны и несколько ограничены для развернутой интерпретации. В этом смысле информативнее оказались высказывания Цзюй Чуанья, уже проучившейся в России длительное время и наиболее хорошо владеющей русским языком, хотя для анализа в целом важны суждения и недавно прибывших студентов, поскольку именно они в большей степени ощущают смену среды и потребность в адаптации к ней. Следует, однако, отметить, что какого-либо мировоззренческого слома или «культурного шока» от первых впечатлений мои собеседники в Томске не испытали. Как представляется, существовала и более глубинная особенность нашей беседы. Некоторые из озвученных характеристик были достаточно кратки и сдержаны, поскольку весьма деликатные китайцы не все темы станут обсуждать в формате формализован-

ного интервью. Большое поле для размышления составляет то, о чем студенты умолчали. Постигание истинности в том, что «не высказано словами», вполне в духе самой китайской культуры. В этой связи наиболее перспективным методом изучения китайцев в ТГУ представляется включенное наблюдение. В неформальной обстановке представители Поднебесной весьма охотно и довольно часто рассказывают как о жизни в самом Китае, так и об особенностях адаптации в Томске, где среди основных сложностей у них неизменно стоят непривычный рацион и суровый климат. Но, не будучи зафиксированными, детали этих рассказов не могут служить полноценным научным аргументом.

Важными ценностными и мотивационными ориентирами в Китае могут выступать семья, социально-экономическая обстановка, философия. Значительно меньше влияют предписания религии. Интересно, что даже в небольшой беседе со студентами проявились специфические особенности китайских воззрений, среди которых можно выделить убеждение во взаимосвязи уровня образованности и морали, эластичность категории «правильности», обычай «по-царски» принимать гостей или желание поддерживать в конфликте слабую сторону. Несмотря на указанные выше барьеры, студенты в целом охотно отвечали на вопросы, сопровождая суждения положительным эмоциональным фоном. Самосознание китайских студентов в Томске всецело сохраняется в рамках национальной культуры и испытывает в основном влияние бытовых перемен, связанных с временным приспособлением к новому образу жизни. Кроме того, китайцы, изучающие русский язык, в принципе неплохо знакомы с русской культурой, особенно с классической литературой. Находясь в вузовской среде, они достаточно вовлечены во взаимодействие с принимающей стороной в рамках научной и культурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков.* Иркутск, 2011. 624 с.
2. *Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации.* Екатеринбург, 2009. 396 с.
3. *Полухина Е.В.* Этнографическая фокус-группа как метод сбора данных в «естественных» группах // *Современная социология – современная Россия* : сб. ст. памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А.О. Крыштановского. М., 2012. С. 287–296.
4. *Полухина Е.В.* Этнографическая фокус-группа как метод исследования внегородских поселений региона. 2013. URL: http://soc.hse.ru/data/2013/01/31/1304432504/Статья_Полухина.pdf, свободный (дата обращения: 30.05.2015)
5. *Материалы беседы с китайскими студентами филологического факультета ТГУ.* Томск. Ноябрь 2013 г. // Личный архив автора.
6. *Малевич В.В.* Китайская цивилизация. М., 2001. 632 с.

Fedosov Egor A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: karamba243@yandex.ru

THE CHINESE STUDENT IN TOMSK STATE UNIVERSITY: VALUES, MOTIVATIONS, ADAPTATION.

Keywords: PRC; Chinese students; Tomsk; problems of adaptation; Russian-Chinese relations.

The Chinese students in Tomsk may be researched as the representatives of the ethnic (Chinese students), local (the Chinese in Tomsk/TSU) and professional community (Chinese students-philologists, studying Russian language) at the same time. Based on their example we could reveal specific valuable, motivational and adaptive guidance. But located in TSU Chinese students are first of all the citizens of the PRC, which by definite reasons for some time educating in our city. By force of their temporal stay in our country and conservation connections with motherland, the task of total adaptation is not so sharp for them. In this case the difference from other ethnic and local communities exists. Also, the Chinese, as every foreign student, not only internationalize scientific and cultural life of the university, but form the specific image of their country in it. So according to concrete examples, the analyzing of the Chinese students» situation in TSU as well as some social, economic and spiritual aspects of the life in modern China is very topical. For these reasons three students of the philological faculty of TSU were interviewed. They arrived from Shenyang due to special exchange program. The author of this article met with them in November of 2013 in Confucius Institute. As the student of the Institute, author directly contacts with the representatives of the Celestial for a long time. This circumstance made the organization of the meeting easier and added

in the researching the elements of the participant observation. In interview Chinese students were offered to answer the questions in valuable aspects: biographic, gender, social-economic, linguistic, religious, moral, cultural and adaptation. It appeared this format allows adding primary, but significant details to the image of the Chinese youth, which arrives in Tomsk to study and gets used to a new reality. As the result of the researching some findings could be made. Methodologically, the weakest link of the interview was the language barrier. Sometimes to make understanding easier, questions and answers were concretized and unambiguous a lot, therefore fragmented and limited for unfolded interpretation. Some of the voiced characteristics were brief and restrained, as long as the very sensitive Chinese people do not discuss all of the topics in formal interview. A wide field for the reflection consists of the things, about which students kept silence. In this case, the most perspective method for researching the Chinese in TSU appears the participant observation. The important valuable and motivational guidance in China may be family, social-economic situation, philosophy. The religious regulations influence less. In Tomsk the Chinese students' identity entirely saves in the framework of the national culture and generally influenced by changes of everyday habits, connected with temporal adaptation to a new lifestyle. Locating in university, they involved enough in connections with hosting side in the framework of the scientific and cultural communication.

REFERENCES

1. Bliyacher, L.E. (ed.) (2011) *Vostok Rossii: migratsii i diaspori v pereselencheskom obshchestve. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [The East of Russia: Migration and Diaspora in the resettlement community. The 19th – 20th and the 20th – 21st centuries]. Irkutsk: Ottisk.
2. Dyatlov, V.I. (ed.) (2009) *Transgranichnye migratsii i prinyimayushchee obshchestvo: mekhanizmy i praktiki vzaimnoy adaptatsii* [Cross-border migration and the host society: mechanisms and practice mutual adaptation]. Yekaterinburg: Urals State University.
3. Polukhina, E.V. (2012) Etnograficheskaya fokus-gruppa kak metod sbora dannykh v "estestvennykh" gruppakh [Ethnographic focus group as a method of data collection in the "natural" groups]. In: Gofman, A.B. et al. (eds) *Sovremennaya sotsiologiya – sovremennoy Rossii* [Contemporary Sociology for Modern Russia]. Moscow: HSE. pp. 287-296.
4. Polukhina, E.V. (2013) *Etnograficheskaya fokus - gruppa kak metod issledovaniya vnegorodskikh poseleniy regiona* [The ethnographic focus - group as a method of investigating the non-urban settlements of the region]. [Online] Available from: http://soc.hse.ru/data/2013/01/31/1304432504/Stat'ya_Polukhina.pdf. (Accessed: 30th May 2015).
5. Fedosov, E.A. (2013) *Materialy besedy s kitayskimi studentami filologicheskogo fakul'teta TGU* [Interviews with Chinese students of the Faculty of Philology of Tomsk State University]. [In the property of the author].
6. Malyavin, V.V. (2001) *Kitayskaya tsivilizatsiya* [The Chinese civilisation]. Moscow: AST.